

по лейб-гвардии Семеновскому полку: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем и артиллерией».

В глубине России шла расправа с крестьянами. Газеты много писали о подвигах Филонова в Полтавской губернии и Луженовского в Тамбовской губернии. Но чувствовалось, что лишь случайно — благодаря открытому письму В. Г. Короленко и выстрелу М. Спиридоновой — эти два имени привлекли к себе всеобщее внимание, чувствовалось, что десятки Филоновых и Луженовских гуляют по России.

Всего больше зверства проявляли усмирители в Прибалтийском крае, где карательные отряды под командой немецких баронов расправлялись с крестьянами латышами и эстонцами. В газетах мелькали названия городков, имений и мыз с краткими пометками: расстреляно столько-то.

В больших городах бессудные убийства были реже. Но и здесь обыватель вечно чувствовал висящую над его головой угрозу. Шла спешная ликвидация «свобод» и расправа с участниками движения 1905 г.

Начались литературные процессы. В Петербурге, в первую очередь, были пущены дела газет, поместивших декабрьский манифест Совета Рабочих Депутатов об отказе от уплаты налогов и о финансовом бойкоте правительства.

Но для широких слов населения всего чувствительнее была предпринятая правительством «чистка». Сотнями и тысячами изгонялись со службы сельские учителя, врачи, заподозренные в прогрессном образе мыслей, городские и земские служащие. Особенно много уволенных было среди почтово-телеграфных служащих и железнодорожников. Эта политика проводилась и по отношению к рабочим: в Петербурге все еще продолжался объявленный в ноябре 1905 г. частичный lockout казенных заводов.

Но успокоение не наступало. На смену массовым выступлениям пришли единичные стычки, террористические

акты, нападения на полицию и на войска, вооруженные сопротивления при аресте. От Читы до Варшавы, от Риги до Тифлиса раздавались револьверные выстрелы, рвались бомбы.

В таком размере, в таких формах это было новое явление, непохожее ни на боевые выступления Народной Воли, ни на террористические акты предреволюционного периода.

И потому, что это явление было новое, непохожее на известные до сих пор формы революционной борьбы, трудно было сразу осмыслить его.

Что представляли собой происходившие по всей России вооруженные схватки?

Теперь мы знаем, что это были последние искры догорающего костра, последние брызги народной волны, разбившейся о твердь царизма, результат поражения революции и бессилия массового движения. Но тогда мы этого не знали. Тогда революционные выстрелы и взрывы бомб казались напоминанием о том, что наступившее затишье в любой миг может смениться новым подъемом.

Это поддерживало в рядах правительства страх перед революцией. И страхом, в значительной степени, определялась его политика: беспощадно расстреливая крестьян и рабочих, оно, вместе с тем, искало опоры в «умеренных» общественных кругах, боялось взять обратно уступки, данные манифестом 17 октября, готовилось созвать Государственную Думу.

Рабочее движение в Петербурге было приглушено, придушено, но не убито реакцией.

Кровавая волна декабря 1905 года миновала Петербург: у правительства не оказалось здесь предлога для массовых расстрелов. Потери арестованными среди петербургских рабочих были не очень велики. Главным бичем были здесь расчеты с заводами и безработица.

Борьба с рабочими при помощи «жесткой руки голода» велась беспощадно. Дейтельное участие принимал в